

**РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ БАЛЛАДЫ
Р. БЕРНСА «ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО»**

Айгуль Есентемирова
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва
Астана, Казахстан

**RUSSIAN TRANSLATION RECEPTION OF R. BURNS'S BALLAD
JOHN BARLEYCORN**

Ajgul' Yesentemirova
L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Kazakhstan

The paper considers the Russian translations of Robert Burns's ballad John Barleycorn by, respectively, E. Bagritskiy and S. Marshak in the aspect of discourse approach. The study of literary translation from the rhetorical point of view made it possible to develop a model of the discourse analysis by implementing reference, creative and reception competences. The results of the comparative analysis urge us to face the need to pose the problem of creative competence of Russian translators as a source of poetics of secondary expressiveness. S. Marshak created a merry feast song in translation using the techniques of Russian folk poetics, focusing on the intersection of romantic tradition (legend) and dance song. Reception competence strengthens the poetics of secondary expressiveness of Bagritskiy's translation.

Key words: ballad, translations, discourse, referential, creative, receptive competences E. Bagritskiy, S. Marshak

История русских переводов поэзии Роберта Бернса восходит к первой половине XIX в.

К переводу произведений шотландского поэта обратились как признанные русские писатели – В. А. Жуковский, И. И. Козлов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Полевой, так и малоизвестные литераторы – П. А. Драгоманов, М. А. Демидов. Исследователи отмечают, что в течение первой половины XIX в. произведения Бернса в переводе на русском языке имели характер прозаических подстроч-

ников, переложений, отличавшихся «нарочитой русификацией», тяготеи к вольным романтическим трактовкам.

Анализ аутентичности переводов Р. Бернса предполагает выявление форм подражания шотландского поэта классической балладе. Одним из ученых, рассматривающих эту проблему, является Д. Н. Жаткин. Он называет такую отличительную черту шотландской баллады, как «сосредоточенность на каком-то одном событии, как правило, трагическом и кровавом» (Жаткин 2015: 104 – 118). Ученый охарактеризовал типологию сюжета классической баллады и сюжета баллады Бернса, проявившуюся в аллюзии на причины трагического события, в поэтике таинственности.

Увлечение старинным фольклором, в частности, книгой Роберта Фергюссона, писавшего стихи на шотландском диалекте, оказали влияние на стиль Бернса. Собираение старинных песен, баллад, участие в создании многотомного «Музыкального музея», восстановление устных вариантов текстов, не подвергшихся сильным искажениям, сочинение новых слов на старинные мелодии характеризуют роль поэта в возрождении шотландского фольклора. Исследователь установил связь между собирательской деятельностью Бернса и формами переработки им старинных песен, которые заключались в использовании сюжета, мелодики, ритма, размера старинных стихов. Новизна состояла в социальной остроте поднимаемых вопросов и придании содержанию реальных примет истории.

В настоящей работе предпринят опыт изучения переводов баллады Р. Бернса «Джон Ячменное Зерно» (1782 г., цит. по: Бернс 1982), выполненные Э. Багрицким (1923 г., цит. по: Багрицкий 1964) и С. Маршаком (1943 г., цит. по: Маршак 1957) с точки зрения дискурсного подхода с учетом процесса переводческой рецепции. Мы поставили перед собой задачу установить связь между способами выстраивания Другого и идентичностью в аспекте трех компетенций художественного текста – референтной, креативной, рецептивной. Такой подход делает возможным выявление признаков художественного перевода как эффективной риторической коммуникации и изучение механизма иллокутивного воздействия на адресата перевода.

Идея бессмертия в балладе Бернса реализуется в мифологической поэтике, в которой возраст человека воплощается в метафоре времени года и природные циклы символизируют бессмертие Джона. Весна как символ зарождения жизни и возрождения героя, лето как пора зрелости, осень как залог будущей жизни, зима как время бессилия природы транспонируются на жанровую идею баллады.

Р. Бернс: <i>III</i> <i>But the cheerful Spring</i> <i>came kindly on,</i>	Э. Багрицкий: <i>III</i> <i>Весенний дождь стучит</i> <i>в окно</i>	С. Маршак: <i>III</i> <i>Травой покрылся</i> <i>горный склон,</i>
<i>IV</i> <i>The sultry suns</i> <i>of Summer came</i>	<i>IV</i> <i>Весенним солнцем обожжен</i>	<i>IV</i> <i>С пригорка</i> <i>в летний зной</i>
<i>V</i> <i>The sober Autumn</i> <i>enter'd mild,</i>	<i>V</i> <i>Но душиной осени дано</i>	<i>V</i> <i>Но осень трезвая</i> <i>идет.</i>
<i>VI</i> <i>His colour sicken'd more</i> <i>and more,</i>	<i>VI</i> <i>Он ржавчиной покрыт сухой,</i>	<i>VI</i> <i>Настало время</i> <i>помирать</i>

О национальных истоках фольклорной поэтики баллады Р. Бернса, сблизивших ее с классической балладой, писал Роберт Влач. Он подчеркивает: Баллада «Джон Ячменное Зерно» является шедевром Бернса, основана на фольклорных концепциях, переплетенные темой бессмертия жизни и работы, и революционным пафосом непобедимости национального духа (Влач 1964: 152).

Во второй части баллады идея бессмертия трансформируется в мысль о наслаждении земными радостями. Важным жанровым признаком баллады Бернса является психологический параллелизм: если первая часть является аллегорией на пытки Джона королями, то вторая часть – аллегория на «пытки» ячменя в процессе изготовления пива. При этом нужно отметить, что в подлиннике не упоминается само название алкогольного напитка. А. Смирнов, как и большинство других исследователей, считает, что все-таки речь идет о пиве, изготовляемом из ячменя (Смирнов 1998). Но существует и другая точка зрения, согласно которой речь идет о виски – традиционном напитке в Шотландии (Поллок, Вишняк 2001: 90).

В обоих русских переводах воссоздается образ пива, которое „брызжет силой дрожжевой“ и „пену на пол льет“ (у Багрицкого) либо „бурлит“ и „вскипает в кружках“ (у Маршака).

Э. Багрицкий: <i>XIII</i> <i>Он брызжет силой дрожжевой,</i> <i>Клокочет и поет,</i> <i>Он ходит в чашке круговой,</i> <i>Он пену на пол льет...</i>	С. Маршак: <i>XI</i> <i>Бушует кровь его в котле,</i> <i>Под обручем бурлит,</i> <i>Вскипает в кружках на столе</i> <i>И души веселит.</i>
---	---

Картина кипучего пива созвучна с гедонистической, вакхической интонацией прославления земных удовольствий и радостей жизни. Так, композиция становится основой лиро-эпического содержания баллады: соединение 2-х планов: с одной стороны – жизнь и смерть как вечная борьба добра со злом, с другой стороны – прославление жизни, продолжения рода как смысла человеческого существования. Если лирическое начало создается эпикурейскими мотивами, то эпическое содержит аллюзию на историческое противостояние Англии и Шотландии.

Синтез реального и фантастического как жанровый признак баллады мотивирует включение пейзажа и аллегорической битвы Джона Ячменное Зерно с врагами. Жизнеутверждающее начало баллады структурируется повтором в начале 4 последовательных строк:

XIII

*John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise.
For if you do but taste his blood,
'Twill make your courage rise.*

XIV

*'Twill make a man for get his woe;
'Twill heighten all his joy:
'Twill make the widow's heart to sing,
Tho' the tear were in her eye.*

В заключительной строфе жизнеутверждающая тональность переходит в пафосное (вдохновляющее) пожелание процветания народа Шотландии.

XV

*Then let us toast John Barley corn,
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland!*
(Бернс 1982: 40)

Композиционная симметрия противопоставления Англии и Шотландии, королей и народа художественно интерпретирована Бернсом в ритмических традициях веселой плясовой песни. Целостность композиции организована ритмом, обусловленным природой веселящего напитка, и номинацией – прозрачной аллюзией на имя Джона Ячменного Зерна.

Сопоставительный анализ русских переводов баллады показывает обусловленность референтной компетенции перевода жанровыми признаками классической и литературной баллады. Так, и Э. Багрицкий, и С. Маршак, соблюдают соотношение эпического и лирического, характерного и для классической, и литературной баллады. Отсюда фабула пыток Джона и его бессмертия, аллегорично представленная в параллельных картинах жизни и бессмертия – литературного героя и персонифицированного им ячменного зерна. То, что и жизнь героя, и зерно становятся источниками силы и бессмертия для народа и вселяют, помимо надежды и уверенности, веселье и упоение, эйфорию и наслаждение, определяют референтную компетенцию оригинала и рассматриваемых переводов.

Как нетрудно заметить, в оригинале произведения 15 строф, но у С. Маршака X строфа отсутствует. Исследователь Де-ю пишет, что первоначальная десятая строфа в русской версии опущена и причина этого заключается, по-видимому, в сходстве образов и языка этой и восьмой строфы. Маршак, возможно, счел эту строфу лишней (Де-ю 1987: 13). А. Смирнов также отмечает, что «X строфа подлинника не продвигает метафорическую цепочку соответствий между мытарствами Джона и этапами производства пива. Может быть, поэтому ни Багрицкий, ни Маршак переводить X строфу не стали, а обратились непосредственно к XI строфе оригинала, которая у них стала, таким образом, X-й» (Смирнов 1998).

Креативная компетенция Маршака-переводчика, структурирующая поэтику вторичной выразительности, реализуется по линии жанра веселой застольной песни с использованием приемов русской фольклорной поэтики, сфокусированной на перекрестке романтического предания (легенды) и плясовой песни. Фабула баллады Бернса интерпретирована Маршаком в приемах бытовой сюжетной картинки, лишенной черт исторической аллюзии оригинала. Для читателя 30-х годов внимание к социальной конкретике обладает значением эстетически возвышенного, романтического стиля. Поэтому Маршак отказывается от сакрализации в духе фантастического.

Близость перевода Маршака к оригиналу заключается в воссоздании поэтики застольной песни. Вместе с тем четырехстопный ямб, образы веселья – вдовы, преодолевающей горе (*За кружкой сердце у вдовы / От радости поет*), мельника, перемалывающего ячмень в муку (*А сердце мельник меж камней / Безжалостно растер*), пивной кружки (*Вскипает в кружках на столе / И души веселит*), мотивов наслаждения жизнью (*Недаром был покойный Джон / При жизни мо-*

лодец, – *Отвагу подымает он / Со дна людских сердец*) (Маршак 1957: 186) – создают философию гедонизма простолюдина, крестьянина в традициях русской обрядовой ритуальной культуры.

В выражении идеи бессмертия Джона для Маршака-переводчика значимо сочетание гедонистических мотивов с иронией и гиперболой.

Отсюда персонификация лирического героя как буйного, упрямого старика. Старость как символ устойчивости, несогбенного умудренного жизнью человека – такая аллегория, которую можно назвать принципом обратного порядка. Ведь традиционно аллегоризм басни сопряжен с персонификацией черт характера человека в образах животных, птиц, насекомых, растений и т.д., другими словами, органического мира.

Рецептивная компетенция структурируется переводчиком делегируемыми ему приемами постижения Другого. Важно учитывать социокультурный контекст создания баллады. Маршак не был прямым апологетом идеологии и нормативной поэтики социалистического реализма; источники создания шотландской баллады он находит в смеговой зрелищной карнавальной культуре. Старость как пора мудрости (старый Джон), вдова как архетип матери, мельник, чей труд связан с основами жизни человека, пивная кружка и бочонок, где «клокочет Джон», – символы веселья, чередующегося с борьбой и горем, времена года как циклический закон круговорота жизни – становятся в балладе Маршака узнаваемыми для чужой культуры образами.

У обоих поэтов – достаточное соответствие оригиналу. Вместе с тем у каждого из них свой уникальный взгляд на переводимый поэтический текст и, соответственно, индивидуальная переводческая стратегия. Это особенно ярко проявляется в использовании языковых ресурсов и речевых конструкций для создания перевода.

Так, производит впечатление, что С. Маршак употребляет деепричастные обороты, тогда как у Э. Багрицкого в этой же балладе нет ни единого деепричастного оборота, что придает ей разговорную динамику.

Как известно, согласно теории речевых актов, смысл высказывания распадается в речевой модели на три составляющих: 1) что говорится (локуция); 2) какой поведенческий смысл выражается (иллокуция); 3) каков эффект речи (перлокуция) (Балмер, Беренстул 1981: 86 – 88). Рассматривая механизмы иллокутивного воздействия на адресата в анализируемых переводах, мы видим, что в версии Э. Багрицкого (который, по свидетельству А. Смирнова, ориентировался на

ранее сделанный перевод М. Михайлова, используется прием трансформации коммуникативного типа предложений: ряд повествовательных предложений, которые в оригинале передают косвенную речь, в переводе превращаются в реплики прямой речи.

Э. Багрицкий:

I

– Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

II

Погибни, Джон, – в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна!

VI

– Теперь мы справимся с тобой! –
Ликут короли...

XI

Готовьте благородный сок!

С. Маршак:

I

Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

II

Велели выкопать сохой
Могилу короли,

VI

И тут-то недруги опять
Взялись за старика

XI

Бушует кровь его в котле,

В переводе Э. Багрицкого применяется и прием адресации речи посредством обращения к главному персонажу: *Ты должен сгинуть, Юный Джон; Погибни, Джон, – в дыму, в пыли*. Подобный подход реализует стратегию театрализации поэтического текста в целях повышения интенсивности иллокуции. Как видно из примеров, у С. Маршака отсутствует прямая речь, что является более близким соответствием повествовательной структуре оригинала баллады.

Перевод Э. Багрицкого в референтном поле текста удачно вписывается в категорию фабулярности баллады, поскольку реконструирует признаки классической шотландской баллады: диалог с Джоном; романтический стиль перевода (параллелизм сюжетного метафорического плана, антитеза, метонимия). Багрицкий имитирует сказочный зачин, у него детализирована система повторов – сюжетных, мотивных, композиционных (*Три короля из трех сторон / Решили заодно; Ты должен сгинуть, юный Джон / Ячменное Зерно!*) (Багрицкий 1964: 58). Фольклоризации стиля способствует сочетание книжной лексики с просторечной (*В апрельском гуле гроз; И по ветру мотает Джон / Усатой головой*). Риторические восклицания и преимущественно повелительная форма наклонения глаголов (*Погибни, Джон, – в дыму, в пыли, / Твоя судьба темна! / Готовьте благородный сок!*) (Багрицкий 1964: 58) создают динамику стиха.

Рецептивная компетенция усиливает поэтику вторичной выразительности перевода Багрицкого апелляцией к адресату, который яв-

ляется человеком, жившим в эпоху, овеянную романтикой будней, героикой труда, верой в преодолимость любых препятствий.

Итак, дискурсный анализ художественного перевода рассматривается в сфере трех компетенций – референтной, креативной и рецептивной. Типология референтного поля текста обусловлена фабулой баллады Бернса, обеспечивающей синтагматическое целое текста, в то время как парадигматика являет синтез креативной и рецептивной компетенций, обозначающих не только своеобразие переводческих стратегий Э. Багрицкого и С. Маршака, но и поэтику вторичной выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Багрицкий 1964:** Багрицкий, Э. Г. *Стихотворения и поэмы*. [Bagritskiy, E. G. *Stihotvoreniya i poemy*.] Ленинград: Советский писатель, 1964, 58 – 59.
- Балмер, Брененстул 1981:** Ballmer, T., Brennenstuhl, W. *Speech act classification: A study in the lexical analysis of English speech activity verbs*. Berlin: Springer Verlag, 1981, 86 – 88.
- Бернс 1982:** Бернс, Р. *Стихотворения*. [Berns, R. *Stihotvoreniya*.] Сборник. Сост. И. М. Ливидова. На англ. и русск. яз. Москва: Радуга. 1982.
- Влач 1964:** Vlach, R. Robert Burns Through Russian Eyes. // *Studies in Scottish Literature*. Vol. 2: Iss. 3, 1964. <<http://scholarcommons.sc.edu/ssl/vol2/iss3/3>> (01.12.2018).
- Жаткин 2015:** Жаткин, Д. Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса. [Zhatkin, D. N. U istokov russkoy retseptsii poezii Roberta Bernsa] // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. № 3 (35), 104 – 118.
- Маршак 1957:** Маршак, С. *Собрание сочинений в четырех томах*. [Marshak, S. *Sobranie sochineniy v chetyireh tomah*.] Том 3. Москва: Гослитиздат. 1957.
- Поллок, Вишняк 2001:** Поллок, Дж., Вишняк, В. К вопросу об адекватности перевода: Р. Бернс в переводе С. Маршака и Э. Багрицкого. Баллада «Джон Ячменное Зерно» ([Pollok, Dzh., Vishnyak, V. K voprosu ob adekvatnosti perevoda: R. Berns v perevode S. Marshaka i E. Bagritskogo. Ballada «Dzhon Yachmennoe Zerno».] // *Русский язык за рубежом*. 2001. № 1, 90 – 97.

Смирнов 1998: Смирнов, А. Ячменное «Я». [Smirnov, A. Yachmennoe «Ya».] *Вопросы литературы*. 1998, № 6. <<http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/smir.html>> (01.12.2018).

Де-ю 1987: De-you, Young. On Marshak's Russian Translation of Robert Burns. // *Studies in Scottish Literature*. Vol. 22: Iss.1. <<https://scholarcommons.sc.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=1186&context=ssl>> (01.12.2018).